

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Синяя курица
счастья

Смешные детективы

Елена Логунова
Синяя курица счастья

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Синяя курица счастья / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2016 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-699-92511-7

Наташа подрабатывала курьером и очень обрадовалась заграничной командировке – что может быть приятнее, чем прокатиться на Кипр с необременительным заданием отвезти письмо! Почему клиент выбрал такой дорогой способ доставки? Не ее забота! А озаботиться стоило бы – получив послание, странный мужчина, до ушей заросший бородой, покончил с собой, открыв в доме газ, и Наташа едва успела спастись от взрыва. Торопясь покинуть негостеприимный остров, она метнулась в аэропорт, но во время таможенного контроля в ее сумке неожиданно обнаружилась голова древней статуи, строго-настрого запрещенная к вывозу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92511-7

© Логунова Е. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Вторник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Ивановна Логунова

Синяя курица счастья

© Логунова Е.И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Вторник

На столике в купе лежал очень красивый рисунок.

Его автор скупыми штрихами маминой губной помады изобразил малиновый огурец, расположенный параллельно воображаемой линии горизонта.

Из нижней части огурца с севера на юг протянулись четыре кочерги, из крайней левой точки ввысь жизнеутверждающе вознесся огурец поменьше, а на правой оконечности базового овоща в неустойчивом равновесии замер дырявый блин.

Легко найти великую правду искусства в разнообразии трактовок увиденного восхищенным зрителям позволяло трехбуквенное слово в углу холста.

Недрогнувшей рукой там размашисто было начертано: «КОТ!!!»

Три восклицательных знака явно призваны были намертво убить сомнения.

Хм...

На кота это было похоже значительно меньше, чем на легендарную Бяку-Закаляку Кусачую...

Мне следовало насторожиться, а я безответственно захихикала и, затолкав под столик пластмассовую переноску для кошки, составляющую в этом рейсе весь мой багаж, привычно ловко вскарабкалась на свою верхнюю полку.

В свое оправдание могу сказать лишь одно: ни кота, ни кошки в моей переноске не было, поэтому я не восприняла рисунок юного любителя усатых-полосатых как штормовое предупреждение.

Напрасно.

В шестом часу утра купе огласилось громким и горестным младенческим ревом.

Я в этот момент вдумчиво спала и не сразу сообразила, что причиной детского горя стала моя переноска, в которой вместо хвостатой живности с комфортом путешествовали неодоушевленные, но по-своему тоже прекрасные новые тапки из пушистой белой овчины.

Я их купила на вокзале, где вынужденно коротала время между прибытием в Краснодар и отъездом из него. У меня там было три часа, и я посвятила это время экскурсии по вокзальным кафешкам и сувенирным ларькам, став в итоге счастливой обладательницей пары магнитиков и упомянутых тапок. В сумку, и без того переполненную, они с комфортом не укладывались, а вот в пустую кошачью переноску вошли, как та веревочка от воздушного шарика в пустой горшок – за-ме-чательно!

Но вот теперь чужой ребенок рыдал в ночи, причитая, что бе-э-эдный ко-о-отик у-у-у-умер!

– Девочка, не плачь! – свесив с полки гудящую голову, попросила я рыдающего ангелочка. – Это не котик, и он не умер. Это тапки, и они изначально неживые.

– Почему-у-у? – коровьи ревом спросила девочка, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении мальчиком.

– Ну-у-у... – я задумалась. – Это к Господу Богу вопрос! Создавая фауну, живые тапки он почему-то не придумал, хотя уж к ним-то принцип «каждой твари по паре» подошел бы идеально...

– Госсссподи, какой же идиоткой надо быть, чтобы возить в кошачьем домике меховые тапки! – по-своему развила божественную тему разозленная мама ребенка.

– Вчера там ехал хорек! – обиженно заявила я.

И, увидев, что голосистый малыш кривит ротик и набирает в грудь воздух, упредила новый рев дополнительным сообщением:

– Тапки не из него!

Ребенок выдохнул.

Я опустила голову на подушку, закрыла глаза и пробормотала:

– Не потому, что я люблю хорьков, а потому, что белых кудрявых хорьков не бывает...

– Почему? – тут же спросил пытливый малыш.

– Это тоже к Господу Богу, – переадресовала я вопрос.

Спать хотелось ужасно.

Прошлую ночь я потратила на то, чтобы закончить статью, которую задолжала редакции глянцевого журнала, где я удаленно работаю под псевдонимом Алиса Лисина (вообще-то я Наталья Ложкина, но это имя чуточку хуже звучит). Скинув готовый материал редактору, я планировала в ожидании возможных правок поспать до полудня, но тут позвонили с моей второй работы, телефонная труба позвала в поход, и уже через час я лежала не в своей постельке, а на полке в общем вагоне. А там разве поспишь?

Это я ехала только до Краснодара, а поезд в целом шел в Калининград. Белым днем сразу после старта из Сочи пассажиры поезда на Калининград в ожидании долгой дороги познакомились, дружились и братались. Шуршали раздаваемые шоколадки, призывно пахли жареные куры, звенели пивные бутылки и чайные стаканы, возился в кошачьей переноске чертов хорек.

И только ленивый не сунулся к нему под стол, чтобы посюсюкать над милым пушистиком и угостить его сладким кусочком!

– Ой, девушка, а это кто?!

– Ой, девушка, а как его зовут?!

– Ой, а куда он едет?!

– Ой, а зачем?!

Любители пушистиков достали меня своими вопросами очень быстро. Пришлось соврать, что хорек серьезно нездоров и едет в краевой центр на высокий ветеринарный консилиум. Хорьковая хворь его загадочна и ужасна, но для людей совершенно точно не опасна, и я обещаю, торжественно клянусь и даже твердо гарантирую, что никто из присутствующих не скончается в страшных муках, подхватив смертельную звериную инфекцию воздушно-капельным путем.

После этого паломничество под стол почему-то прекратилось, вблизи нашего с хорьком законного места образовалась полоса отчуждения, и я вполглаза подремала пару часиков.

Вполглаза – потому что все-таки приглядывала за хорьком.

К счастью, сбежать он не смог, за что мне следовало благодарить начальство.

После того как в аналогичной ситуации один шустрый ежик с синдромом графа Монте-Кристо продырявил картонный короб и пустился в бега по вагону, Рюрикович раз и навсегда отказался от мысли транспортировать зверюшек иначе, чем в специальной перевозке с армированными стенками, а из нее даже ушлой зубастой крысе не выбраться.

Рюрикович, кстати, это мой босс – директор агентства «Лично в руки» Р.Ю. Татулян. Зовут его Рубен, по отчеству он Юрикович, получается Р. Юрикович, то есть Рюрикович.

С царственными замашками босса это прозвище сочетается прекрасно.

С поправкой на акцентик, конечно.

Хорька царь-босс мне вручил торжественно, как полцарства:

– Вот тибэ, Наташка, дарагой звэрэ, виставочный экзэмпляр, весь в мэдалях с галавы до хвоста, двэ тыщи евро стоит, своей галавой за него атвычаишь!

– Я за перевозку зверя ценой в две штуки евро всего тысячу рублей получу, не маловато ли? – строптиво рыпнулась я.

– Не хочэш – не надо, другой курьер возьму! – привычно отмахнулся Рюрикович.

Обмен репликами, как обычно, прошел без особых эмоций.

Рюрикович знает, как скромны перспективы карьерного и материального роста начинающих журналистов, а мне известно, какова текучесть кадров в агентстве «Лично в руки». Опытного курьера с полугодовым стажем царь-босс за спрос не ударит в нос.

Кстати, да, я еще и немного поэтесса.

– Черные глаза! Вспоминаю – умираю! – голосом, очень похожим на медовый баритон Рюриковича, заныл в моем телефоне певец Айдамир Мугу, сообщая о звонке царь-босса. – Черные глаза! Я только о тебе мечтаю!

– Почему опять я? – прохныкала я в трубку, осторожно, чтобы не свалиться вниз, перевернувшись на вагонной полке с боку на бок. – Ну, Рубен Юрикович! Нельзя для разнообразия помечтать о ком-нибудь другом?!

– Вай, Наташка, какой ты сэрдитый! – заржал начальник. – Маладой, красивый дэвушка, зачэм такой злой? Радоваться надо, когда тибэ мужчина звонит, дэньги давать хочэт!

– А к деньгам в придачу что? – с подозрением спросила я, не поддаваясь на лесть и провокации. – Небось гадость какая-нибудь, раз вы звоните курьеру, который еще даже не вернулся из командировки. Что, кроме меня, бедной, послать уже некого, все остальные куда-то послали вас?

– Вай, какой ты, Наташка, нэдовэрчивый и вредный! – посетовал Рюрикович с тяжким коровьим вздохом. – Но у-у-умный... Мамой клянусь, не звонил бы тибэ, но никто другой на рейс не успеет. Только ты адын, Наташка! Только ты!

– Так за срочность и эксклюзивность надбавочку надо бы! – напомнила вредная я. – Что за заказ-то? Куда лететь, чего везти? Надеюсь, не анализы в баночке?

Про баночку я, конечно, для красного словца сказала, хотя пару раз что-то подобное уже было: срочно-обморочно перевозила я какие-то медицинские препараты и биоматериалы. Один раз – от нас в Тель-Авив, второй – из Штутгардта к нам. Ничего особенного, груз спокойный, ежики с хорьками в транспортировке куда сложнее, но ответственность огромная, да и проверки-досмотры напрягают.

– Не баночка, бумажка! Адын бумажка в конверте!

– Документы, что ли?

Я успокоилась: бумажки – это скучно, но спокойно. Рюрикович содержимое «посылки» всегда предварительно проверяет и пакует исключительно в фирменные конверты агентства, так что какой-нибудь опасной подлянки типа спор сибирской язвы или радиоактивного плутония в порошке там не будет.

– Нэт, Наташка, там не документы, там письмо! – Царь-босс восторженно зацокал языком. – Такой письмо, вах, пальчики оближешь! Кино не надо, какой письмо!

– Любовное, что ли? – оживилась я.

Ой, у нас иной раз такие письма бывают – сценаристы «мыльных опер» оторвали бы с руками!

Рюрикович, кстати, тайно сохраняет копии особенно душевных «писем», хотя и не имеет на это никакого права. Так уж вышло, что я об этом знаю, но помалкиваю: если что, всегда смогу использовать как компромат против царь-босса. Он не плохой мужик, но ситуации бывают разные...

– Патом расскажу, – пообещал Рюрикович. – Сичас слушай давай. С вокзала едешь в аэропорт, я тэбя там встрэчу, письмо отдам, билет отдам...

– И дэньги отдам! – закончила я за него.

– Вах, Наташка, какой дэньги?! Дэньги потом!

– Это за письмо потом, а за хорька сичас давай-давай! – потребовала я.

И тихо чертыхнулась, сообразив, что заговорила как шеф.

Надо же, моментально подпадаю под обаяние его кавказского акцента! Вах, Наташка, какой ты впечатлительный!

– Хорек-морек, – проворчал Рюрикович, сдаваясь. – Будут тибэ дэньги, только не опаздывай.

– А куда лететь-то надо? – запоздало спохватилась я, но трубка уже загудела.

Ну вот, не узнала самое главное.

Надеюсь, меня не в Заполярье наладят, там холодно, а я в джинсах, ботинках и легкой курточке! И в неизбывной тоске по летнему теплу и отпускному безделью...

Жители Заполярья и прочих белых безмолвий считают, что тем, кто живет на юге, вообще не нужен отпуск.

Да, летом не нужен!

Летом дни длинные, ночи теплые, а море открыто круглосуточно, и даже самый припозднившийся выползень из офиса может релаксировать на пляже хоть до утренней побудки.

Другое дело – зима.

Зима для южного жителя время смутное, как тень отца Гамлета, и страшное, как сказки братьев Гримм в первоначальной редакции.

Зимой почему-то холодно! И то ветер, то дождь, а иногда и эта белая порошковая гадость, от которой в эйфории только лыжники и сноубордисты. А какие среди южан лыжники? Тутошние лыжники – все мигранты из Перми и прочих, извините, Е-бургов!

Настоящий, коренной южанин, природный абориген причерноморских прерий, к середине февраля отчетливо ощущает, как расшатывают зубы костлявые руки цинги, как во тьме точит кости рахит, как депрессия подавляет аппетит и либидо, как стремительно убывают запасы подкожного жира и денежных накоплений. В этот трагический момент южанину жизненно необходим...

Кто сказал – пинок под зад?!

Выйдите вон и застрелитесь, вы ничего не понимаете в тонкой душевной организации!

На исходе зимы южанину нужен хотя бы небольшой вояж в теплые и солнечные края! Это спасет его (ее) от вымирания, а окружающих от... Ну, в общем, тоже от вымирания, потому что он-она-я на исходе зимы просто жуть, какая зараза!

Ох, не дай бог, Рюрикович меня на север пошлет...

Я представила, как бреду по колено в искристом снегу, лавируя между шершавыми торосами и страстно обнимая себя за бока руками в новых меховых тапках вместо варежек, которых у меня нет... А белые медведи и моржи, глядя на меня круглыми глазами, энергично крутят у висков лапами и ластами...

Я заранее вздрогнула.

Картинка была такая сочная и яркая, что не выцвела и за тот час, который мне понадобился, чтобы добраться до аэропорта. Поэтому Рюриковича, нетерпеливо ожидавшего меня у информационной стойки, я без предисловий требовательно спросила:

– Какая там температура?

– Какой тэмпература, ты, Наташка, разве больной? – заволновался шеф.

– Пока нет, но и не хотелось бы!

– А раз здоровый – работай давай! – резюмировал Рюрикович и шлепнул на стойку тонкую пластиковую папочку. – Дэржи пысьмо, дэржи билет, дэржи паспорт и нэ говори, что я плохой начальник – опять в заграницу летишь!

– Ой, Ларнака! – искренне обрадовалась я, заглянув в билет. – Остров Кипр! Там уж точно нет никаких моржей и торосов! Рубен Юрикович, я вас люблю!

– Ты мне, Наташка, тоже нравышься, – благосклонно отвечал начальник и явно прицелился хлопнуть меня по попе. – Все, беги, ты опаздываэшь!

Я покосилась на ближайшее табло.

На нем светились буковки и циферки, под ним воплощением нетерпеливого ожидания переминалась гражданочка, похожая на пальму в пустыне – такая же рослая и трагически одинокая. Ну, и эффектная, чего уж скрывать, не мне, замухрышке, чета: в шикарной шляпе и тонком шерстяном пальто длиной почти «в пол».

Гражданочка нервно притопывала ножкой (а лыжи-то у нее будь здоров, под стать модельному росту, злорадно заметила я) и поглядывала то на табло, то на раздвижные стеклянные двери, которые ежесекундно кого-то впускали, но, видимо, все не тех, кого дожидалась долговязая мадам.

– Не я одна опаздываю, – сказала я вслух и волнообразным движением ловко увела свой зад от соприкосновения с августейшей дланью царь-босса.

И подумала, что тоже хочу себе такое роскошное длинное пальто, как у этой мадам. Я не каланча, но достаточно высокая, чтобы хорошо смотреться в макси.

Хотя, конечно, наряды «в пол» не для тех во всех смыслах бедных девушек, которые кочуют от Москвы до самых до окраин в плацкарте, а в краткие периоды оседлого пребывания в родной провинции идут по жизни на своих двоих, обутых в изящные, но крепкие ботинки...

Тут я мельком удивилась тому, что шикарная мадам тоже вовсе не в лабутенах вышагивает, и вовремя – к вопросу о дорогих покупках – вспомнила:

– А деньги?!

Царь-босс вздрогнул.

Я прищурилась, как Робин Гуд перед выстрелом:

– Рубен Юрикович, давайте-ка деньги! И за хоряка давайте, и на предстоящие расходы давайте, то есть на сей раз в валюте, уж будьте любезны!

– Вах, жадный ты, Наташка!

Царь-босс раздумал меня хлопать, сунул руку в карман, достал второй конвертик.

– На! И дэньги на, и валюта на! Тыща рублей за хореk, сто дэсят евро камандыровочный.

– Ого!

Я приятно удивилась.

– Не ого, это тибэ на такси, – убил мою радость в зародыше Рюрикович. – Пидисят туда, пидисят обратно, дэсят на шашлык-машлык. Машину я тибэ прямо в аэропорт заказал! Все, тэпэрь беги, рэгистрация заканчивается!

И тогда я послушно побежала, но... сбавила скорость, как только скрылась с глаз царь-босса.

Служебное рвение нужно демонстрировать адресно.

Регистрацию я прошла предпоследней, замыкающей в очереди оказалась пальто-шляпная супердама, так и не дождавшаяся своего супермена.

– Представь себе лощеного, холеного, выбритого до синевы джентльмена баскетбольного роста, вальяжно развалившегося на сиденье красного кабриолета с открытым верхом! – оживился мой внутренний голос. – Мусоля дорогую сигару, он с жестким прищуром наблюдает за взлетом авиалайнеров, один из которых уносит в дальние дали его постылую бывшую...

– У кого-то слишком богатое воображение, – сухо (и самокритично) заметила я.

Я расторопно прошла регистрацию и предполетный досмотр, потом прикинула, что до посадки на борт осталось минут десять, и резво двинулась в кафетерий с популярным заморским фастфудом.

Не за котлетой в булке двинулась и не за картошкой фри, хотя неплохо было бы позавтракать хоть чем-нибудь, а за горячим чаем, но тоже не для питья.

Дамы в уборной посмотрели на меня с удивлением: мало кто ходит в сортир почаявничать, но я невозмутимо зарулила в кабинку и приступила к процессу, ради которого и пришла.

Кипяток в фирменном стаканчике с пластмассовой крышкой обжигал руки даже через плотный картон. Я скovyрнула крепким ногтем носик в пластиковой крышке, и образовавшаяся дырочка задымила паром, как печная труба на морозе.

Надежно установив стакан с кипятком на бачок унитаза, я поднесла к струйке пара конверт, врученный мне Рюриковичем. Свежий клей под клапаном быстро размяк, и я ловко поддела бумажный край пластиковой карточкой.

Очень хорошая вещь – банковская карточка VISA, разнообразно полезная!

– Пассажиры Ступкин и Ложкина, опаздывающие на рейс пятьсот сорок шесть авиакомпании Utal Airlines в Ларнаку, срочно подойдите к выходу номер пятнадцать! – звонким ледяным голосом возвестила женщина по радио.

По тону чувствовалось, что ей глубоко безразлично, успеют на упомянутый или любой другой рейс пассажиры Ступкин, Ложкина и прочие жалкие личности.

Однако это не было безразлично мне, поэтому я сунула расклеенный конверт в сумку и поспешила внять призыву, решив, что интригующее «письмо», ради доставки которого мне, аки голубю почтовому, приходится лететь за моря, я спокойно почитаю в самолете.

Долговязая гражданка в пальто и шляпе оказалась от меня через проход.

Устраиваясь на своем месте с максимально возможным удобством (куртку я сняла и забросила на полку для ручной клади, ботинки стянула и спрятала под кресло, из шапки и шарфика соорудила подушечку под голову), я поглядывала на печальную мадам, желая узнать, куда она денет свою крупногабаритную шляпу.

Нет, в самом деле, куда?

На полке в тесном контакте с чемоданами шикарный головной убор превратится в мягкое ведро, а держать его всю дорогу в руках будет неловко и нелепо – со шляпой в руках опечаленная благородная дама уподобится побирушке на паперти!

Мадам в отличие от меня вопросами не терзалась. Она не стала ничего придумывать и осталась при шляпе на голове. Еще и надвинула ее поглубже, закрывая лицо от света.

Сначала я подумала, что дама планирует поспать, а потом вспомнила, как она тщетно дожидалась кого-то в аэропорту, и решила, что шляпа призвана скрыть от мира дамины горькие слезы. Небось будет рыдать, беззвучно всхлипывая и содрогаясь, всю дорогу до Ларнаки!

Уж я бы точно рыдала белугой, если бы меня вот так бессовестно, без последнего «прости», бросил тот гладко выбритый и сильно надушенный красавец-мужчина в красном кабриолете!

Я как-то позабыла, что роковой красавец в кабриолете существует, возможно, только в моем воображении.

Переждав взлет, во время которого я неизменно нервничаю и нашептываю «Отче наш», я вынула из сумки фирменный конверт курьерской службы «Лично в руки» и в очередной раз похихикала над нашим логотипом.

Его придумал лично Рюрикович, а он сентиментален, как школьница, и любит все трогательное, поэтому на логотипе компании изображен белый голубь, прицельно роняющий в подставленные ладошки принесенный груз. Птичка и руки прорисованы тщательно, а вот символическая посылочка обозначена условно, что лично у меня вызывает подозрения относительно ее сути. Знаю я, каков обычный птичий привет с высоты!

В конверте помещался один-единственный бумажный лист.

«Письмо», как назвал его Рюрикович, не было написано от руки – его набрали на компьютере и распечатали на принтере. На мой взгляд, это снизило пафос послания. Будь я на

месте той особы, которая его написала, я бы не поленилась взять дорогую дизайнерскую бумагу и чернильной ручкой буквой за буквой вывела бы весь текст от руки.

Потому что негоже давать мужику от ворот поворот компьютерной распечаткой!

А еще она даже не подписалась, ограничилась тем, что приложилась к бумажному листу напомаженными губами.

Фу, какая безвкусица!

«Дорогой Александр! – написала эта некультурная и жестокая женщина. – Знаю, что тебе будет больно это услышать, и сожалею о необходимости сказать: тебе не стоит надеяться, мы никогда не будем вместе. Это мое неизменное, окончательное и бесповоротное решение, и я надеюсь, что ты найдешь в себе силы принять его, не терзая меня тщетными мольбами. Прощай».

– Вот зараза! – в сердцах возмутилась я вслух. – «Неизменное, окончательное и бесповоротное»! Высокомерная стерва! Не терзайте ее мольбами, ишь ты!

Меня охватили благородная жалость к несчастному Александру и недостойная зависть к безымянной стерве.

Лично меня еще ни разу в жизни никто не терзал мольбами, а мне почему-то казалось, что такого рода муки я снесла бы с гораздо большим достоинством, чем эта заносчивая дрянь!

Не исключено, что подобные терзания даже доставили бы мне некоторое удовольствие!

А эта мерзавка какова, а?

– Да она просто садистка! – согласился мой внутренний голос.

Вникните: зараза оплатила курьерскую доставку письма адресату в другой стране, что, поверьте мне, очень недешево. Противная дамочка не пожалела денег, чтобы ударить бедолагу Александра побольнее, ведь обыкновенный телефонный звонок обошелся бы ей в сущие копейки, но тогда несчастный отвергнутый мужчина напоследок услышал бы любимый голос и смог бы попытаться отговорить жестокую женщину порвать с ним навсегда.

– Расчетливая стерва! – резюмировала я вслух и с трудом удержалась от того, чтобы порвать письмо в клочья.

Остановили меня в этом порыве две своевременные мысли.

Первая: письмо написано не мной и не мне, так что не мне его и истреблять.

И вторая: а ведь пылкий Александр, судя по всему, способный подкупающе отчаянно домогаться любимой женщины, отныне совершенно свободен!

Вернее, он станет совершенно свободен в тот момент, когда ознакомится с текстом письма, а передам-то ему его я, и именно я буду первой женщиной, которую он увидит перед собой, когда проморгается от горьких слез!

И неужели же я буду так жестока, что не утешу мужчину, способного быть таким галантным кавалером?!

Тут я задумалась о том, достаточно ли презентабельно выгляжу?

Хм...

Настроение мое, взлетевшее до небес, когда я узнала, что лечу на Кипр, ринулось с высоты вниз, как голодный ястреб на толстую мышь – в крутом пике.

Свежей, как роза, я себя не чувствовала. Еще бы: два переезда в поезде и еще авиаперелет! Мне не помешало бы принять душ, вымыть голову, сделать аккуратный макияж и переодеться во что-нибудь более соблазнительное, чем джинсы и курточка.

Я представила, как шагаю к Александру через просторный мраморный холл, изящно покачиваясь на высоких каблуках.

На мне длинное красное платье с открытой спиной, по которой провокационно струятся крутые и блестящие, как витки нового стального штопора, локоны. За спиной я прячу руку с убийственным оружием – письмом безымянной злодейки.

Бледный от волнения Александр поднимает глаза и роняет круглый бокал, наполненный на два пальца.

Бокал медленно-медленно падает, уверенно обещая при столкновении с мраморным полом рассыпаться фейерверком стеклянного крошева и коньячных брызг.

Не сбиваясь с модельного шага, я вывожу из-за спины руку с конвертом и бросаю его Александру, как тарелку-фрисби.

Конверт со свистом летит прямо в руки взволнованного мужчины, а я продолжаю красиво идти и подхожу к нему как раз вовремя – в тот момент, когда Александр сминает в кулаке уже прочитанное письмо.

Мы встречаемся взглядами.

Александр отбрасывает в сторону бумажный ком, обвивает освободившейся рукой мою тонкую талию и приникает к моим манящим устам в страстном поцелуе.

Под моими каблуками хрустят осколки бокала и разбитых надежд, которые уже позабыты...

Как жаль, что у меня нет ни красного платья, ни каблучков.

Ни длинных спиралевидных локонов.

Ни очень уж тонкой талии.

Ни даже манящих уст, уж если на то пошло, потому что из подручных средств для наведения сокрушительной красоты у меня с собой только бесцветная гигиеническая помада и старый гребешок с заметной нехваткой зубьев.

– Ну и фиг с ним, – грубовато проворчала я, отвернувшись к иллюминатору. – В просвещенных странах сейчас в моде натуральная красота!

А что может быть натуральнее, чем физиономия, щедро умытая водой из-под крана, и волосы, причесанные неполнозубым гребешком и собственной пятерней?

К моменту приземления в Ларнаке нехитрый план преображения скромной почтовой голубки в редкую птицу мужского счастья вполне сложился.

В туалете аэропорта я умылась, причесалась и сняла куртку, чтобы открыть всем потенциально заинтересованным лицам мужского пола, а в первую очередь – незнакомому пока Александру, вид на обтянутую трикотажной майкой грудь не самого позорного второго размера.

Хорошо, что на Кипре еще тепло, ведь под стеганой осенней курткой моя грудь была бы вовсе не очевидна.

Лишь бы дождь не пошел, небо-то хмурится...

Из аэропорта я выступила тренированным модельным шагом от бедра, взяла такси и поехала по адресу, написанному на конверте, мысленно приговаривая:

– Ну, держись, Александр!

По статистике, на исходе зимы на Кипре бывает в среднем пять ненастных дней за месяц. То есть попасть тут под дождь – везение редкое.

Разумеется, именно мне «посчастливилось» созерцать виды знаменитого острова сквозь частую сетку сильнейшего ливня.

И ладно бы только созерцать: из окна такси размытые дождем пейзажи смотрелись вполне себе акварельно-романтично. Но мне же предстояло выйти из машины под открытое небо!

С сомнением оглядывая дома на улице, по которой мы ехали, я все сильнее проникалась необходимостью скорректировать свой первоначальный план.

В архитектуре всех без исключения увиденных мною местных зданий защитные козырьки и навесы над дверью отсутствовали, что означало – я предстану перед Александром отнюдь не синей птицей счастья. Синей мокрой курицей я перед ним предстану и выглядеть буду не соблазнительно, а жалко.

Значит, на жалость и буду бить!

– Вас подождать? – по-английски спросил таксист, заинтересованно наблюдая в зеркальце, как каменеет в отчаянной решимости мое лицо.

– Не надо! – отказалась я, снова пряча свой бюст и разные прочие ценные части тела под курткой.

Потом я переложила в наиболее водонепроницаемое место – в карман тесных джинсов – мобильник и, сунув водителю заранее оговоренный полтинник евро, отважно вывалилась за борт.

Ай! Ай-я-яй!

Колючий плотный дождь накрыл меня, как подрубленная елка, – чуть с ног не свалил.

Протестуя пискнув, я втянула голову в плечи, скукожилась и запрыгала меж луж и ручьев в очаровательной манере деточки, играющей в классики.

Деточка из меня получилась кособокая, горбатая, но резвая – до крылечка в две ступеньки я домчала вихрем, такси еще не закончило разворачиваться.

– Точно не подождать? – приспустив окошко, с надеждой прокричал водитель.

Он явно был не прочь получить еще сколько-нибудь евро. Понятное дело, низкий сезон, туристов на острове мало, и каждый состоятельный пассажир на вес золота. Мы с четверть часа ехали вдоль длинного ряда очаровательных домиков, и за все это время встретили только одно такси. И ни единого пешехода! Домики, кстати, в большинстве своем тоже выглядели нежилыми.

Я отбросила мысль о том, как буду выбираться из этой дикой курортной местности без наемного экипажа, подтвердила:

– Поезжайте, ждать не нужно.

Не будучи уверенной в своем английском, я для пущей понятности сказанного помотала головой – с насквозь промокших волос веером разлетелись брызги – и придавила кнопку звонка.

Он послушно исполнил приятную мелодию в средиземноморском стиле.

– Открой, Инезилья! – переименовав Пушкина, требовательно пробормотала я. – Я здесь, под окном! – И, хлопнув быстро прибывающими соплями, недовольно констатировала: – Объята Севилья и мраком, и сном...

– Иду, иду! – покричали в глубине дома.

Что характерно – по-русски покричали.

Приятным мужским голосом!

Это обнадеживало.

– Александр, Александр! Этот город наш с тобою! – песенной строкой напроорочила я, обращаясь отнюдь не к Пушкину и имея в виду отнюдь не Севилью.

Щелкнул дверной замок.

Я сделала самую жалобную в мире мордочку, как у Кота в сапогах из мультика про Шрека, и разминочно похлопала мокрыми ресницами.

Если этот Александр не последняя сволочь, он обязательно пригласит меня в дом.

Дверь открылась, и взгляд мой канул во тьму.

За дверью было сумрачно, как в склепе.

Нет, я все понимаю, остров Кипр небогат ресурсами, и экономить электроэнергию, конечно же, нужно, но зачем же делать это так уж фанатично?

Стоп, а хочу ли я вообще туда входить?!

Может, та стервозина не зря этого Александра бросила? Может, он вовсе не мечта прекрасной дамы? И способен терзать любимую не только мольбами?

Я попятилась и едва не сверзлась с крыльца. К счастью (или наоборот), крепкая рука вовремя подхватила меня под локоток.

– С-спасибо, – машинально поблагодарила я и напряглась.

Взгляд мой пополз вверх по чужой руке с осторожностью фронтового телефониста на минном поле.

Я увидела сначала черный свитер крупной вязки, а потом такую же черную (спасибо, не синюю), рельефную бороду, образующую единый волосяной массив с усами, бровями и кудрями.

Из моря зарослей беломраморным утесом выступал горбатый нос, кривизна которого однозначно выдавала пару переломов. То есть кто-то уже не раз с большим чувством бил этого типа по сопатке. Видно, было, за что...

Мне сразу же расхотелось сводить с ним знакомство.

– Ой, извините, я пойду!

Я дернулась, но освободиться не смогла.

– Кто вы?

Черный человек подтянул меня поближе и повыше. То ли он близорук, то ли жаждет приветственного поцелуя?

– То ли голову тебе откусить собирается, – подсказал еще вариант мой внутренний голос.

Я почувствовала, что поднимаюсь на цыпочки.

Блин, а он здоровый, как медведь, под два метра ростом!

– Здравствуйте, я курьер, привезла вам посылочку, – пролепетала я, из последних сил удерживаясь от паники.

Паника в моем исполнении представляет собой истошный визг, выдаваемый в полуприсяде, с зажмуренными глазами и стиснутыми кулачками. И, скажу я вам, эта штука посильнее посвиста Соловья-разбойника!

А поскольку жизнь одинокой работающей девушки в спальном районе большого города чревата опасными встречами, акустическое оружие типа «дикий визг» я уже использовала неоднократно.

И всякий раз потом мне было мучительно стыдно за моментально облетевшие клены, снесенные с голов прохожих шляпы и контуженных ворон.

– Посылочку? – повторил Гигантский Черный Человек и поставил меня на ноги.

– Письмишко, – опустившись на пятки, я нервно хихикнула и трясущимися руками полезла в сумку. – Вот. Получите и распишитесь вот тут!

Бородач послушно взял конверт и отпустил меня. Не обращая внимания на мои слова, он некультурно повернулся ко мне задом и двинулся в дом.

Ой, нет, так не годится! Если клиент не распишется в получении отправления, бюрократ и жади́на Рюрикович накажет меня рублем, то есть в данном случае даже не рублем, а евро! Надо оформить все как полагается.

Побуждаемая служебным долгом, я переступила порог и, оказавшись в сухом помещении под крышей, машинально встряхнулась, как собака после купания.

– Брр! – само собой вырвалось у меня восклицание, не делающее честь моим манерам и интеллекту.

– Закройте дверь!

Тон был такой непререкаемо командирский, что я послушалась без раздумий. И сразу же пожалела об этом, потому что в доме стало совсем темно.

– И идите к огню!

- К к-к-какому огню? Тут нет никакого огня! – возразила я с искренним сожалением.
- Сейчас будет. Я разжег камин.

Темная фигура в дальнем углу качнулась, открыв мне вид на язычки разгорающегося пламени, и меня потянуло к нему как магнитом.

– Если ты хотела выглядеть крайне жалкой, то преуспела! – съязвил мой внутренний голос.

С меня текло, в ботинках хлюпало. В носу тоже.

– Не стесняйтесь, подойдите поближе, вам нужно согреться и просушить одежду.

– С чего это он стал такой добрый? – с подозрением пробормотал мой внутренний голос.

Гостеприимство в число душевных качеств того монстра, каким я уже успела вообразить хозяина дома, не входило.

– Раздевайтесь!

– Не надо!

Я поплотнее закуталась в мокрую куртку.

– Разденет, зажарит и съест! – лаконично обрисовал возможный сценарий мой внутренний голос.

– Да не трону я вас!

Монстр хмыкнул и со скрежетом подтащил поближе к огню непонятную металлическую конструкцию, подозрительно похожую на вязанку шампуров.

– В каком смысле не тронете? – опасливо уточнила я.

Шмпуры у огня меня сильно смущали.

– Ни в каком!

– А это что? – спросила я, кивнув на железяку.

– Это сушилка для зонтов, в данном случае – для вашей одежды и обуви. Раздевайтесь и садитесь в кресло, я дам вам плед.

– Давай иди! Многие люди перед употреблением разогревают свою еду, но никто не делает это с помощью пледа! – резонным замечанием подбодрил меня внутренний голос.

– И? – От холода мои мозги застыли, и самостоятельно резюмировать я не смогла.

– И можно надеяться, что он тебя не съест, – успокоил меня внутренний голос.

Поскольку Бородач никак не давал понять, что находит меня сколько-нибудь аппетитной, я рискнула расстаться с курткой и ботинками. Подумав, пристроила их поближе к огню и в ожидании обещанного теплого пледа опустила не в кресло, которое неминуемо промочила бы, а на пол у камина.

В невестребованное кресло Бородач походя небрежно бросил нераспечатанное письмо.

– Лед я, надо думать, не кладу? – покричал он из соседнего помещения.

Я поняла, что это кухня, потому что хозяин оставил дверь приоткрытой, и мне видны были шкафчики на стене.

– Куда? – не поняла я.

В щель приоткрытой двери высунулся нос-утес:

– В виски, конечно, куда же еще?

– В виски?!

Я заволновалась.

Мне, если честно, противопоказано пить.

Этот запрет не медицинского характера, скорее это мера упреждения гуманитарных катастроф, так как пьяная я обладаю разрушительной силой торнадо, только еще опаснее, потому что по части энтузиазма и изобретательности далеко опережаю природную стихию.

К примеру, выпив свой самый первый в жизни бокал шампанского, я с боевым кличем «Посуда бьется – жди удачи!» метнула увесистый фужер производства гусь-хрустального завода в белый свет, как в копеечку. Источником света в тот момент было окно, оно и разбилось. А гусь-хрустальный фужер при столкновении с оконным стеклом уцелел и взорвался только тремя этажами ниже. Удача моя заключалась в отсутствии в зоне поражения пешеходов, но на крыше чужой машины образовался внушительный кратер.

Год спустя, уже выплатив должок владельцу покалеченного перелетным гусь-хрустальным фужером авто, я дерзнула замахнуться на пару коктейлей в модном баре. И замах мой как-то незаметно трансформировался в лихой френч канкан, который я исполнила соло, под грохот аплодисментов и традиционно бьющегося стекла. Это был первый и единственный в моей жизни случай, когда я пожалела о том, что у меня длинные ноги.

Впоследствии еще несколько раз я с упорством, достойным лучшего применения, предпринимала попытки укрощения алкогольной бури в крови, но они неизменно наносили тройной удар по моему кошельку, самолюбию и хрупким предметам.

Короче, ныне расхожее выражение «Пьянству – бой!» во всех его смыслах является одним из моих жизненных девизов.

Поэтому я решительно помотала головой:

– Не надо виски!

– Понял.

Бородач ненадолго исчез и вновь появился уже с напитками. Себе он все-таки налил виски, а мне воду.

Как будто я недостаточно промокла под дождем! Да уж воды-то в моем организме сейчас побольше, чем в медузе, а она состоит из H₂O на девяносто восемь процентов. Я знаю, я как-то делала интервью с ученым-биологом.

Предложенный мне стакан я приняла исключительно из вежливости. Обижать отказом людоеда, который оказался так любезен, что не стал меня жрать сырым и без соли, было бы просто неприлично.

Я показательно хлебнула водицы и закашлялась.

– Это что?!

– Водка, – невозмутимо ответил бородач. – Вы же отказались от виски, а другого спиртного у меня нет.

– Так дали бы мне горячего чаю!

– Ча-а-аю?!

Гостеприимный хозяин так скривился, что брови его напозли на нос, почти скрыв его и тем окончательно уподобив лицо меховой звериной морде.

Выглядело это жутко.

Я тут же решила, что не настолько честолобива, чтобы настаивать на главной роли в страшной сказке «Красавица и Чудовище».

– Тогда вставай, собирай пожитки и драпай! – посоветовал внутренний голос.

Я поставила стакан, послушно встала и потянулась за курткой. Наброшенная на растопырок для зонтов, она курилась паром, как пробуждающийся вулкан. Обочь большого вулкана дымили два поменьше – мои ботинки. Все вместе смотрелось как миниатюрная модель Курильской гряды в действии.

А одеваться и обуваться в сырое мне не хотелось.

Подсознание наскоро поскребло по сусекам и нашло вполне уважительную причину задержаться.

– Вы еще не расписались в получении письма! – обличила я волосатое чудовище.

– Ах да, письмо, – вспомнил бородач.

Не похоже было, что незаурядный факт курьерской доставки важной корреспонденции из-за границы его хоть как-то волнует.

Чудовище неторопливо допило виски, поставило пустой стакан на каминную полку и помахало освободившейся лапой, изображая готовность к отправлению обязательной бюрократической процедуры.

Я припечатала к гладкому мрамору квиток уведомления о доставке и со стуком положила сверху ручку. Проследила за тем, как чудовище изобразило затейливую завитушку, выхватила у него ценный документ отчетности и заботливо спрятала его поглубже в сумку.

– Теперь можете прочитать письмо, – разрешила я.

Не потому, что это было частью бюрократической процедуры. Просто мне было интересно увидеть реакцию адресата на послание.

– А надо?

– Совершенно необходимо! – уверенно подтвердила я, тайно злорадствуя при мысли о том, как скуксится этот волосатый мачо, получив от ворот поворот от мадам своей мечты. – Для того, чтобы сбить с кого-то спесь – просто то, что доктор прописал!

– Про спесь я не понял, – меланхолично признался монстр и распечатал конверт.

Я на всякий случай отодвинулась (вдруг отвергнутое чудовище распахнется) и, заполняя паузу и умеряя волнение, залпом выдула воду из стакана.

Тьфу!

Тьфу, тьфу, тьфу, совсем забыла, что это была не вода!

– Ой, мамочка, что сейчас будет... – нервно пискнул мой внутренний голос и подло испарился, оставив меня одну перед лицом грядущих испытаний.

М-да, теперь, если чудовище не распахнется, ему супротив меня не выстоять!

Я поспешно поставила стакан и отодвинулась от камина к окну.

Нет, в окне стекла бьющиеся, лучше я в угол встану...

Уши мои вытянулись, как у того игрушечного зайчика, которого мы с сестрой Катюшкой все детство делили-делили, да и разделили однажды точно пополам, разодрав беднягу по срединному шву. Тогда я получила одно замусоленное ухо с прилегающими к нему матерчатыми обрывками, Катюха другое, а весь внутренний мир игрушечного зайца достался пылесосу.

Теперь я максимально широко развесила свои собственные уши, пытаюсь, с одной стороны, как можно раньше уловить реакцию чудовища на письмо, а с другой – прислушиваясь к себе.

В тот первый и единственный доселе раз, когда я залпом выпила рюмку водки, мой внутренний голос успел предупредить меня о надвигающемся шторме одним коротким словом «Ложись!». Тогда я, правда, подумала, что это парень, коварно напоивший меня спиртным, объявил о переходе к следующему пункту своего подлого плана, и никуда ложиться не стала. А зря: если бы сразу рухнула плашмя там, где стояла, были бы целы и графин цветного стекла, и люстра, и голова злополучного кавалера...

– Ну почему – злополучного, получил он, помнится, хорошо! – захихикал мой внутренний голос.

Его разудалые и хмельные интонации мне очень не понравились.

– Я, пожалуй, пойду, пока чего-нибудь не случилось, – официально уведомила я чудовище.

– Уходите.

– Уходить?

Несмотря на то, что я так и хотела сделать, мне почему-то стало обидно.

Кто так разговаривает с красавицами, а? «Уходите»! Мог бы и повежливее распрощаться, м-монстр!

Я резко дернула куртку, и железная фигня для зонтиков с жутким грохотом повалилась набок. Слишком порывисто сунув руку в правый рукав, я смела с каминной полки стакан из-под виски, а потом повторила тот же номер со стаканом из-под водки и левым рукавом. После этого затолкать ноги в мокрые ботинки пришлось хотя бы для того, чтобы не топтать босиком по осколкам.

– До свиданья, всего вам доброго!

Сердито размахивая сумкой (уходя из-под удара, с декоративной этажерки в прихожей брызнули врассыпную фарфоровые собачки), я протопала к выходу и удалилась, хлопнув дверью.

– Как-то иначе мне виделась классическая сцена обольщения, но и это представление парню должно запомниться, – жизнерадостно поделился впечатлениями внутренний голос.

Я походя пнула протестующе загудевший мусорный контейнер и зашагала по дороге, топча и давя свое отражение в мелких зеркальных лужах.

Суламифь, блин! Клеопатра! Елена Прекрасная! Королева Марго! Неотразимая красавица!

– Точно, фиг такую отразишь без пары танков! – сговорчиво согласился внутренний голос.

– Убью, – пообещала я ему.

– Верю! – весело хмыкнул он.

Я открыла рот, чтобы ответить что-нибудь убийственно-язвительное, и тут опять хлынул ливень.

Кажется, я поняла, почему в марте на Кипре всего пять дождливых дней: потому что природный круговорот просто не может обеспечить то количество воды, которого хватило бы на шесть таких ливней!

Дождевые струи были частые, плотные и колючие, как проволочная щетка. И какой-то злокозненный ангел в небесной канцелярии так тщательно выверил угол наклона воды, что в мой открытый рот, в глаза и за шиворот моментально натекло.

Я плюнула, стиснула челюсти, прищурилась а-ля монгольский странник в эпицентре пыльной бури и с ускорением запрыгала по лужам к ближайшему укрытию.

К дому Александра, а куда же еще?

Если бы по пути мне встретилось хоть что-нибудь подходящее – крытая остановка общественного транспорта, грибочек детской песочницы, раскидистое дерево с водонепроницаемой кроной или (предел мечтаний) уютная кофейня, – я бы, разумеется, не вернулась в берлогу чудовища. Но в неродном мне зарубежье все вышеперечисленные объекты явно относились к числу архитектурных излишеств, а проектировщики курортного местечка совсем не думали о проблемах бездомных интуристов. Все возможные удобства были сосредоточены в домовладениях, обнесенных заборами разной степени непроницаемости.

Мне еще повезло, что жилище Александра окружала лишь живая изгородь!

Я, правда, ее немножко убила. Так спешила, что на повороте меня занесло, и я неидеально вписалась в проем между кустами – зацепила боком ветки и потоптала газон, оставив на голой клумбе свои следы.

– Н-надеюсь, будущим цветочкам это н-не повредит, – слезливо вякнул мой внутренний голос.

Холодный душ его не отрезвил, но хотя бы потушил неуместное веселье.

Слава богу, Александр после моего ухода не запер дверь!

Я вломила в прихожую, точно захватчик, преодолевший крепостной ров вплавь – насквозь мокрая, полуослепшая от налипших на лицо волос и очень злая.

Мое целеустремленное продвижение к камину сопровождалось мелодичными звуками водной симфонии: лирично журчали стекающие с меня ручьи, мажорно чавкали ботинки, звонко капало из носа. Упавшая сумка с претензией квакнула, а из кармана сброшенной куртки плеснул фонтанчик.

Растопырившись у камина в позе, в живой природе характерной для морской звезды, а в мертвой – для цыпленка табака, я запоздало огляделась и выяснила, что свидетелей мое вторжение не имело. Это, конечно, не означало, что я могу располагаться в чужом доме, как в своем, но позволяло мне притвориться, будто я никуда и не уходила. А ведь официальное приглашение погреться у горящего очага у меня уже имелось, и срок его действия, как и количество подходов к камину, никто не оговаривал!

Ранее обрушенная мною многофункциональная сушилка для зонтов и курток так и лежала на боку, осколки бокалов тоже никуда не делись, фирменный конверт нашей конторы валялся на полу – Александр и не подумал утруждать себя уборкой.

Я не без злорадства предположила, что письмо красавицы настолько деморализовало чудовище, что ему сделалось абсолютно безразлично санитарно-гигиеническое состояние помещения.

Воображение тут же нарисовало мне бородача, самозабвенно рыдающего в подушку в дальней спальне.

– Тогда п-понятно, почему он не прибежал на шум, – сказал мой внутренний голос.

– Какой шум? – громко спросила я, похлопав ладонью по уху, чтобы выбить из него воду.

– Такой, как от гулянки русалок с Ихтиандром! – ответил внутренний голос, прозрачно намекая на эффектную водную феерию, которую я устроила.

– А-а!

Я не стала спорить (поберегла силы) и озвучила свое пожелание небесам, которые сегодня мне явно задолжали:

– Надеюсь, он там обрыдается и уснет мертвым сном.

У меня было четыре часа до самолета на родину, и минимум полтора из них я страстно желала провести у этого очага. В идеале – голой и босой, в окружении развешанных на просушку одежек и бельяшка.

Участие в этой мизансцене малознакомого и, главное, несимпатичного персонажа мужского пола не представлялось мне интересным и желательным.

Я сняла ботинки и поставила их к огню. Положила на каминную полку носки так, чтобы они свесились лапками вниз. Распялила на сушилке куртку. Чтобы защитить босые ноги от осколков стекла, постелила на пол накидку с кресла и, похозяйничав таким образом, почувствовала, что обжилась в этом замке дракона вполне достаточно, чтобы рискнуть снять доспехи.

К числу последних я относила джинсы и майку, под коими оставались только доселе неприступные рубежи – трусы и лифчик. Их я в мужских берлогах никогда еще не снимала.

Я не отношусь к числу тех девушек, которые с легкостью раздеваются за пределами собственной спальни. Даже на пляже, разоблачаясь до купальника, я чувствую себя неловко и воображаю, что в этот самый момент на меня пялятся все мужики без исключения – от спасателя с биноклем на вышке до пацана в резиновом надувном круге. В раздевании на публике определенно есть что-то героическое!

Впрочем, и для того, чтобы разоблачиться в чужом доме в отсутствие его хозяина, нужен особый настрой.

Морально готовясь спустить штаны, я задумчиво смотрела в окно, вероятно, ассоциируя мир за ним с незримо присутствующей публикой.

Картина мира за окном была тусклой, скучной, грустной и, я бы даже сказала, зловещей.

Дождь еще не прекратился, но поутих (видимо, коварно ждал, пока я снова выйду). Кочковатая пустошь, отделенная от жилого квартала редкой цепочкой кривобоких молодых сосенок, поблескивала свежими лужами. Порывы ветра пугающе шевелили лохматую траву, растущую островками, похожими на зеленые скалпы зарывшихся в землю водяных и кикимор. Неопрятная пустошь незаметно переходила в песчаный берег, по которому давно не ступала нога уборщика: линию прибоя пунктирно очерчивали кучки мелкого мусора.

И никакой жизни, только длинными кувырками пролетел вдоль моря надутый ветром пластиковый пакет...

– Да есть здесь жизнь, гляди, мужик идет! – заспорил со мной внутренний голос.

Я послушно поглядела, но и мужик оказался не из тех, на кого приятно посмотреть – долговязый сутулый тип в грошовой полиэтиленовой дождевике с капюшоном. Не иначе, африканский гастарбайтер. Я уже видела парочку его черных братьев во дворах богатых вилл – один чесал граблями газон, другой возился в собачьем вольере.

– А этот что делает? – закономерно задумался внутренний голос.

Сутулый тип за окном бодро рысил вдоль сосенок, придерживая на боку большую спортивную сумку. На торбу нищего побирušки она нисколько не походила, будучи явно новой, чистой и дорогой, – я отчетливо видела крупный логотип известной фирмы.

– Это дурно пахнет, – пробормотала я, подумав, что резвый товарищ подозрительно похож на вора.

Небось ограбил одну из пустующих вилл и уносит добычу в хозяйской сумке!

– Да, пованивает, – согласился мой внутренний голос. – Что это за запах?

– Запах?

С запозданием до меня дошло, что упоминание о вони не есть фигура речи.

Я вдумчиво потянула носом и чихнула.

– Чеснок?

Я покосилась на приоткрытую дверь в кухню.

Там было темно и тихо, так что мелькнувшую было мысль о том, что это хозяин дома мужественно поборол депрессию и теперь планирует подкрепить свои силы собственноручно приготовленным обедом, я развеяла.

Но запах-то остался!

Тревожное чувство, возникшее у меня при созерцании безрадостного вида за окном, заметно усилилось.

Я вдруг поняла, что должна заглянуть в кухню.

Обязательно.

Немедленно!

За пределами коврика, на роль которого я назначила накидку на кресло, могли быть осколки стекла, поэтому я предусмотрительно сунула ноги в ботинки. Они еще не просохли и хрипло каркали, отмечая мои шаги, что определенно звучало недобрым пророчеством.

Я заглянула в щель приоткрытой двери, но в кухне не имелось окна, а потому было еще темнее, чем в комнате.

– В мобильном есть фонарик, – напомнил внутренний голос, старательно сохраняя хладнокровие.

Я достала из кармана телефон, включила подсветку и вытянула руку с фонариком вперед...

И рассеянный голубой свет, неоднократно скомпрометированный голливудскими фильмами о похищениях землян инопланетянами, вполне оправдал свою дурную репутацию.

Нет, никаких пришельцев я не увидела. Речь шла скорее об ушельцах...

– Тихо! – гаркнул мой внутренний голос.

Свободной от фонарика рукой я зажала себе рот, сумев не выпустить наружу легендарный панический визг.

В прозрачном свете гаджета отчетливо нарисовалась самая обычная газовая плита с открытой духовкой. Что я нашла решительно необычным, так это содержимое той духовки, явно представляющее собой человеческое тело!

Мне видна была его нижняя половина – в данной конфигурации ей больше подходило определение «задняя», поскольку человек стоял на четвереньках, погрузившись в духовку почти по пояс.

– Какая просторная духовка, – машинально отметил мой внутренний голос.

Боюсь, мне не удалось сохранить ясность ума.

Да и была ли она у меня, эта ясность? Четкого представления о том, что нужно делать в такой ситуации, я точно не имела.

Теоретически я знала, как спасти утопающих и пострадавших от воздействия электрического тока. Я запомнила, в какие точки нужно колоть бессознательного инсультника, и не затруднилась бы соорудить из подручного материала шину для фиксации поломанной конечности. Я даже смогла бы сделать кому-нибудь не особо противному искусственное дыхание рот-в-рот и непрямой массаж сердца, но ни одно из этих умений не предполагало такой ориентации пациента в пространстве, при которой для лечебного воздействия были доступны лишь его зад и пятки!

Не щекотать же мне его?!

– Просто вытяни парня из этой чертовой духовки! – рявкнул внутренний голос.

Что это именно парень, можно было догадаться по башмакам примерно сорок пятого размера.

Я положила на пол мобильник и двумя руками схватилась за пояс парня-в-духовке. Дернула так, что бабка, дедка, внучка и Жучка обзавидовались бы!

В недрах газовой печки что-то противно скрипнуло, человек-из-духовки явился мне целиком, и я не особенно удивилась, увидев бородатую физиономию.

– Боже мой, он покончил с собой! Какие страсти! – ахнул внутренний голос. – Отравился газом! Вот, значит, что это за запах...

– Цыц! – гаркнула я на него, чтобы не мешал.

Пощупала сначала запястье, а потом (кривясь от отвращения) шею парня под бородой, но никакого пульса не нашла.

Мама, мамочка, неужели мне придется делать ему искусственное дыхание рот-в-рот?! Такому явно мертвому и, что еще даже противнее, волосато-бородатому?!

Я сглотнула горькую слюну, предвещающую обильную рвоту.

Какая я, оказывается, неженка...

– Газ выключи, дура, пока тебя не вырвало! – крикнул внутренний голос.

– Пока не вырвало, – повторила я.

И вдруг меня как стукнуло: буквы в слове сами собой переставились, и получилось совсем уже жуткое:

– Пока не рвануло!

– Господи, да ведь в гостиной открытый огонь! – смекнул мой внутренний голос.

Воображение мгновенно нарисовало две картинки, как в комиксе: на одной из них к горящему камину вкрадчиво подбиралось туманное газовое облако, а на другой соседствовали разлапистая звезда и выразительное слово «Ба-бах!!!»

Правду говорят, что в экстремальных ситуациях люди проявляют сверхчеловеческие способности. Жаль, что усиливаются при этом только физические силы, а не умственные.

Сделайся я чуть более гениальной, чем обычно, я бы наверняка действовала по-другому, но уж как вышло, так вышло.

Скорость – вот, оказывается, мое сверхчеловеческое имя.

Наталья «Скорость» Ложкина.

Спустя секунду я была уже в пяти метрах от печки, а еще через пару мгновений выскочила из дома и во все лопатки припустила прочь, почему-то напрямик к морю – должно быть, подсознательно готовилась спастись от огня в воде.

В марте на Кипре средняя температура морской воды – плюс шестнадцать. С точки зрения закаленных руссо туристо, вполне нормально для купания.

Морально я была готова к экстренному погружению, но оно не понадобилось: взрыв за спиной обрушил меня лицом в грязь еще на пустоши.

– Да-а, вовремя уйти – это большое искусство! – отплевавшись, восторженно прошестел мой внутренний голос. – Радуйся, как ни странно, ты осталась жива!

Я была сердечно благодарна ему за позитивный настрой, но счастливой себя не чувствовала.

Оглянувшись, я увидела, что на месте дома, который я так своевременно покинула, пылает большой пионерский костер, а заодно узнала, что мое сверхчеловеческое имя двойное – не просто Скорость, а Скорость-и-Сила: оказывается, вместе с курткой я унесла запутавшуюся в ней железную сушилку весом в полпуда, не меньше!

Металлические прутья прорвали куртку в двух местах, а еще она здорово испачкалась, но я все-таки надела ее, потому что майка моя измазалась еще больше. Не повезло мне: могла бы упасть на мягкую травяную кочку, а не мордой в грязь...

– В сумке есть влажные салфетки, – напомнил внутренний голос.

Он на удивление хорошо держался и ясно соображал. Я даже позавидовала.

– В сумке?

Я еще раз огляделась и наконец уяснила, что здоровенный ком глины слева от меня – это не естественное природное образование, а моя безобразно замурзанная кожаная сумка.

Надо же, я умудрилась экстренно проследовать на выход со всеми вещами!

– Не со всеми, к сожалению, мобильник ты оставила в кухне, – заметил внутренний голос. – И еще носки на каминной полке...

Я вздохнула.

К черту носки, но телефончик было жаль.

С другой стороны, сейчас он мне был совсем не нужен. Куда бы я стала звонить? В полицию? Или в службу спасения – по номеру 911, как в кино?

Полагаю, все нужные спецслужбы придут на место ЧП и без моего приглашения.

Тут я прислушалась, а не воют ли приближающиеся сирены, и опасливо подумала, что недостаточно удалилась от пожарища, которое обещало в скором времени превратиться в пепелище.

– Да уж, надо драпать, – присоветовал и внутренний голос.

Контактировать с местной полицией по делу о взрыве, в котором будет фигурировать еще и труп, мне вовсе не хотелось. Не ровен час, копы подумают, что это я все устроила!

К сожалению, у русских туристов на зарубежных курортах не лучшая репутация, а полицейские повсюду одинаковы: вместо того чтобы толком во всем разобраться, они спешат объявить преступником первую попавшуюся подозрительную личность.

А в том, что я выгляжу подозрительно, никаких сомнений у меня не было.

Подозрительнее, чем я – мокрая, грязная, в драной куртке и с вытаращенными глазами, в которых бешеными зайчиками прыгали отблески пожара, – выглядел бы только натуральный арабский террорист с громко тикающей бомбой на пузе.

Определенно нужно было уносить ноги.

Но куда?

Понятно, что в аэропорт, а оттуда – на родину, но как?

Машины у меня не было, общественный транспорт в благодатном курортном уголке явно отсутствовал как явление, так что следовало настроиться на пеший марш-бросок до ближайшего шоссе, где уже можно было надеяться поймать попутку.

А где это шоссе?

Я не ориентировалась на местности, но вспомнила, в каком направлении проследовал предыдущий подозрительный тип – сутулый жулик со спортивной сумкой, и зашагала туда же, конспиративно хоронясь за сосенками и выжидательно поглядывая на небо.

Теперь мне уже хотелось, чтобы пошел хороший дождь. Он смог бы сделать то, с чем не справились влажные салфетки, то есть основательно отмыть меня и отстирать мои вещи. Мокрая, но чистая, я выглядела бы лучше, чем сухая, но грязная: всего лишь невинной жертвой непогоды, а не асоциальной личностью типа «бомж».

Вообще-то я знаю верный способ вызвать дождь. Для гарантированного результата нужно объединить усилия мужчины и женщины: он должен помыть машину, а она – вывесить на балкон свежевystиранное белье и уйти на работу без зонта. Правда, я проверяла эту схему только на родине, за пределами России она могла и не подействовать. Тем более что здесь и сейчас мне не с кем было объединять усилия, я не располагала ни мужиком с машиной, ни балконом, ни даже чистым бельем.

По закону подлости именно теперь лоскутное одеяло из туч прохунилось и разошлось по швам. В дыры пучками вываливались солнечные лучи, и окружающая действительность выглядела все более приятно, приходя в соответствие с тем идеалистическим представлением о Кипре, которое было у меня до недавнего времени.

До того, как я вытащила из газовой печки труп бородатого слюнтя Александра.

Слюнтяем (и еще идиотом) его без церемоний обозвал мой внутренний голос, а я не стала спорить.

Я считаю, что мужчина в случае фатального осложнения ситуации на личном фронте должен до последнего воевать за свою любовь, а не лезть головой в петлю, то есть в данном случае – в духовку.

– И что за странная идея – травиться газом, взрывая в итоге дом и рискуя спалить полквартала? – с полоборота завелся мой внутренний голос. – Самоубийство – дело интимное! Хочешь покончить с собой – возьми веревочку, свей петельку, это тихое рукоделие хотя бы безопасно для окружающих!

– Он был слишком рослый, – справедливости ради напомнила я. – Такому сложно повеситься в доме с невысокими потолками.

– Так вышел бы за этим делом на улицу, на свежий воздух, во дворе росли здоровенные финиковые пальмы!

– Они что, сгорели? – огорчилась я.

Пальмы было жалко.

Здоровенные финиковые пальмы на моем жизненном пути встречаются гораздо реже, чем слюнтяи и идиоты.

– И дом, и пальмы – все сгорело, – огорченно подтвердил мой внутренний голос. Потом припомнил несомненно положительный момент и приободрился: – Только ты уцелела.

– Случайно, – напомнила я.

– Вовсе не случайно! Ты правильно расставила приоритеты и спасла свою жизнь!

– Я не уверена, что расставила их правильно, – призналась я.

Меня уже мучила совесть.

По ее мнению, я не должна была малодушно бежать, спасая собственную шкуру. Подумав, она решила, что мне следовало без промедления выключить газ, открыть окна, вынести пострадавшего из дома и вызвать «неотложку».

Но у меня-то не было возможности подумать! А газоснабжение на Кипре не централизованное, баллон я не увидела, и на поиски вентиля у меня могло уйти слишком много времени.

И телефона местной «Скорой» я не знаю!

И вообще пострадавший уже умер, у него и пульса не было, и лицо посинело!

Так я оправдывалась в собственных глазах, но на душе было тяжело.

– Так! Самоедством займешься позже, сначала закончи процесс спасения себя, любимой, – сердито посоветовал внутренний голос. – Актуальная задача – найти машину и попасть в аэропорт.

Какие-то машины как раз промчались мимо меня, но их передвижение сопровождалось воем сирены, что не присуще мирному гражданскому транспорту. Я резонно рассудила, что это специальные автомобили, летящие на пожар, и ускорила шаг, надеясь, что служивые люди в машинах меня не заметили и не запомнили.

До сих пор я бежала точно по следам типа с сумкой – лапы у него были будь здоров, в вязкой почве остались целые норы. Когда цепочка следов изогнулась, я машинально пошла по дуге, вырулила на асфальтированную улицу и уткнулась в мусорный бак. Автоматически заглянула в него и резко затормозила.

На куче прелых листьев в баке лежала какая-то одежда.

Обычно я не шарю по помойкам, если не считать тот раз, когда я вместе с мусорным пакетом уронила в бак ключи от квартиры, но сегодня у меня выдался полномасштабно необычный день. Я без раздумий – Наталья Скорость-и-Сила Ложкина принимала судьбоносные решения мгновенно – потянулась к матерчатому кому и вытащила из бака прекрасное демисезонное пальто в стиле «унисекс».

Хм, где-то я его уже видела?

Тут кто-то гневно заорал на непонятном языке, я обернулась и увидела толстую темнокожую тетку с грозно поднятой палкой. На голове у нее был накручен вавилон из цветастого платка, на лице читалось горячее желание стукнуть палкой одну нахальную бледнолицую деву. Я смекнула, что покушением на содержимое мусорки нарушила некую конвенцию, но не отступилась: набросила скатку из пальто на шею, как хомут, и припустила рысью.

Темнокожая тетка была в худшей форме, чем я (если мы говорим не об одежде), и преследовала меня недолго.

Резво прогалопировав метров двести, я остановилась, чтобы переодеться.

Внутренний мир чужого пальто дал мне слишком много свободы. При других обстоятельствах (у зеркала в примерочной, а не за кустиком на улице) я бы взяла вещь размера на четыре поменьше, но дареному коню в функциональные отверстия организма не заглядывают.

Сняв свою куртку, я надела бесхозное пальто и пережила ощущение, которое красиво называется «дежавю»...

В раннем детстве меня каждую зиму паковали в цигейковую шубку «на вырост», и на прогулке я мелкой рыбкой билась внутри этого мехового конуса, направляя его на путь истинный. Шуба имела собственные амбиции. Она хотела стать стационарным чукотским чумом, и проще было выползти из-под подола и бежать по морозу в колготках и кофточке, чем придать ей мобильность. У меня ушли годы, чтобы укротить ту своенравную шубу!

Чудесным образом доставшееся мне пальто тоже было слишком просторным и длинным, но при этом обладало и рядом достоинств. Во-первых, оно было чистым, во-вторых

– сухим. Очевидно, его моральное падение в бездну мусорного бака случилось совсем недавно, уже после дождя.

Я польстила себе мыслью о том, что в слишком большом пальто выгляжу нетипично маленькой и хрупкой, и более не рефлексировала.

Относительно чистой изнанкой куртки и влажными салфетками я оттерла грязь со своей сумки и с тела от шеи до пяток, скрытых длинными полами, и таким образом приобрела более или менее приличный вид. Лицо я тоже в меру сил отдраила салфетками, но прическу поправить даже не пыталась. Тут мне могли помочь только душ, шампунь и фен – или уж сразу нож для скальпирования.

Сосульки из мокрых волос, зафиксированные глиной, напоминали дреды и диссонировали по стилю с классическим пальто. Я было подумала соорудить себе маскировочный чепец из капюшона куртки, но не смогла его оторвать. Пришлось смириться с необходимостью выбросить куртку целиком.

К очередному мусорному баку я подбиралась осторожно, предварительно оглядев местность на предмет своевременного выявления здешней хозяйки медной горы. Никого такого с палкой не обнаружилось, и я рискнула заглянуть в контейнер.

И не зря: я нашла себе шляпу!

– Господи, спасибо тебе! – поблагодарила я Всевышнего за щедрый и – главное – в высшей степени своевременный дар.

Просторная войлочная шляпа выглядела помятой, но это было даже к лучшему, потому что обвисшие поля добросовестно скрыли и мое лицо, и грязные волосы, и даже шею, для которой ворот пальто был подозрительно широк.

Чтобы открыть себе хоть какой-то обзор, я загнула поля на лбу, получив в итоге зюйд-вестку.

В моем представлении, этот лихой головной убор достаточно органично сочетался с зимним морским побережьем.

– Эх, Черное море, белый парадный корабль! – в четверть голоса запела я, отчаливая от мусорки. – Плавает мой милый уж который год!

Так я настраивала себя на долгое одиночное плавание по глухим закоулкам безлюдного поселка, но окраинная улочка неожиданно скоро влилась в прямой фарватер широкого шоссе.

Я сделала простодушно-восторженное лицо, характерное для интуриста-энтузиаста, и встала на обочине с сигнально оттопыренным большим пальцем.

Через десять минут меня подобрала добросердечная местная жительница. Тронутая моим живым интересом к островным достопримечательностям, она подвезла меня к аэропорту бесплатно.

– Определенно жизнь налаживается! – резюмировал внутренний голос, прикинув, что я сэкономила полсотни евро.

Я трижды плюнула через левое плечо, чтобы не сглазить.

До начала регистрации на рейс еще было время, и я пошла в туалет. Привычно игнорируя косые взгляды благопристойных дам, сунула голову в умывальник и отмыла волосы от грязи, употребив вместо шампуня жидкое мыло из дозатора на стене. Потом бесцеремонно оккупировала сушилку для рук, использовала ее вместо фена и наконец-то стала выглядеть как приличный человек, а не как жертва линчевания.

Стоя в очереди на регистрацию, я не бросалась в глаза и постепенно укреплялась в мысли о том, что мои неприятные приключения закончены. Я уже предвкушала обед в одной из кафешек в зоне ожидания, когда оператор станции досмотра остановил транспортер и засмотрелся на экран сканера.

На ленте как раз была моя сумка.

Я точно знала, что ничего запрещенного в ней нет, и все-таки заволновалась.

– Что у вас в сумке? – спросил служащий.

– Паспорт, деньги, ключи, даже мобильного нет! – ответила я нервно. – В чем дело?

– В этом, – женщина-служащая в форме, включающей перчатки, вытащила из моей ручной клади какой-то булыжник.

Я растерялась. Никаких геологических образцов и стройматериалов я отродясь не перевозила и решительно не представляла, откуда в моей сумке взялась эта каменюка.

– Может, она сама залетела в сумку, когда взорвался дом? – предположил мой внутренний голос.

Моя стильная сумка скроена из большого куска натуральной кожи по лекалу обычного полиэтиленового пакета. Никаких застежек у нее нет, а вместимость такова, что три кило картошки заполняют внутренний объем не больше, чем наполовину. Чисто теоретически кусок камня размером с «Капитал» Карла Маркса вполне мог как внедриться в сумку, так и затеряться в ней. Но неужели я бы не заметила, что моя ноша заметно потяжелела?

– Это не мое, – заявила я вслух.

– Конечно, все так говорят.

– Кто – все?

– Все контрабандисты.

– Кто-о-о?!

До сих пор обнаружение в моей сумке булыжника казалось мне ошибкой, нелепостью, но не угрозой. Однако руки в перчатках бережно повернули камень лицевой стороной, и оказалось, что на нем отчетливо видна резная завитушка.

– Да это же ухо! – ахнул мой внутренний голос. – А кусок камня – фрагмент каменной головы!

– Вот блин, – беспомощно вякнула я.

Блин был комом. Мраморным.

Тупо глаза на каменное ухо (слишком мясистое, чтобы считаться красивым), я лихо-радочно соображала.

Вероятно, это часть древней статуи, а вывоз с Кипра археологических ценностей без специального разрешения строго-настрого запрещен. Выходит, я нарушила таможенные правила, и сейчас меня задержат до выяснения обстоятельств, а там, глядишь, и следствие по делу о взрыве с трупом дойдет до допроса свидетелей, а свидетель – это я, и меня видел таксист. И меня найдут, и буду я дважды подозреваемая – как взрывник-убийца и как контрабандистка, и век мне воли не видать...

Ну уж нет!

Отодвинув меня, рохлю, в сторону, в игру вступила супервумен Наталья Скорость-и-Сила.

Тетенька в перчатках все еще бережно, как драгоценность, крутила в руках ушастый камень – на него я и не покушалась. Одной рукой я сдернула со стола свою сумку, другой цапнула шляпу, которая тоже успела выехать из камеры.

К сожалению, полюбившееся мне халявное пальто ехало в отдельной корзине и при остановке ленты транспортера осталось в сканере. Нырять за ним туда я не рискнула – не столько из боязни получить дозу облучения, сколько опасаясь, что застряну там, как в мышеловке.

Пальто пришлось оставить.

Безжалостно расталкивая граждан, я мощными рывками, характерными для опаздывающего на нерест лосося, против течения пробилась в хвост очереди, вылетела из нее пробкой и побежала по залу, закладывая опасные виражи в обход чемоданов.

– Запутай след! – гаркнул внутренний голос.

Я-супервумен поняливо кивнула.

Бежать прямо к выходу из аэропорта не стоило, имело смысл сбить погоню с толку, создав у преследователей впечатление, будто я все еще нахожусь в аэропорту.

Я вихрем домчалась до лифта и поехала на верхний этаж, успев сквозь стекло закрывшейся двери издевательски показать «нос» подоспевшим преследователям. Они метнулись к эскалатору, и я получила фору в несколько секунд.

Второй этаж – это зал ожидания, пара кафе и сувенирные магазинчики. Пробегая мимо вереницы кресел с сидящими в них людьми, я на бегу метнула в сторону сидящих свою приметную шляпу. Получилось очень удачно: головной убор мягко спланировал на спящую даму! Наверняка это немного задержит погоню.

Ориентируясь на вонь кипящего масла, я без потери времени нашла кафе, набитое любителями фастфуда, но не стала в нем задерживаться, лишь скользнула завистливым взглядом по парадному портрету гигантского гамбургера и сразу же свернула в коридор к туалетам.

Разнообразно полезные уборные как таковые в настоящий момент меня вовсе не интересовали, я прекрасно понимала, что туалетная кабинка – это тупик, где меня возьмут тепленькой. Но как завсегдатай аэропортов и вокзалов, я знаю, что именно в коридорчике, ведущем к удобствам, традиционно размещается неприметная серенькая дверь с надписью «Для персонала», и вот она-то и была мне нужна!

Дверь оказалась не серой, а зеленой, но сути это не меняло.

Я попала в небольшую проходную комнатку вроде склада – там повсюду были разнокалиберные коробки, – без задержки миновала ее и вылетела на лестничную площадку у грузового лифта. Дождаться его я не стала, рванула вниз по ступенькам и выскочила на просторную площадку под брюхом здания.

Там, между слоновьими ногами опорных колонн, скучали автомобили. Я высмотрела среди них белую машинку, на крыше которой имелся приметный фонарик с надписью «taxi», подбежала к ней и рванула на себя дверь:

– Свободен, шеф?!

Второпях я спросила по-русски, но опытный таксист по совокупности признаков моментально распознал во мне ООП – Отчаянно Опаздывающего Пассажира, а это любимый тип клиента у извозчиков всех времен и народов.

– Куда? – спросил таксист, демонстрируя готовность умчать меня хоть на край света.

А я-супервумен уже успела придумать план дальнейших действий.

– В аэропорт Никосии!

– Перепутали аэропорты? – поняливо хмыкнул водила, нажимая на газ.

– Уж такая я идиотка! – самокритично повинулась я.

И опустила козырек под лобовым стеклом, чтобы скрыть лицо от солнца и чужих глаз.

Через пару минут мы уже ехали по шоссе.

Движение нельзя было назвать оживленным, так что я непременно заметила бы погоню, если бы она была. К моей радости, в кильватере нашей машины всю дорогу до Никосии держалось всего одно авто – точно такое же такси с фонариком. Думать, будто официальные власти станут преследовать меня в наемном экипаже, было бы глупо.

Через двадцать минут после старта из аэропорта Ларнаки мы оказались на территории непризнанной турецкой республики Северный Кипр. Никаких осложнений в процессе перехода границы не возникло, сонный толстяк-пограничник на турецкой стороне лишь заглянул в мой паспорт и шлепнул визу на листочек-вкладыш.

Мысленно я пожала руку супервумен Наталье: она прекрасно справилась. У властей Северного Кипра никаких претензий ко мне не имелось, а Южный Кипр со своим соседом в

столь натянутых отношениях, что вряд ли оперативно потребует выдачи иностранки, непонятно как замешанной в паре темных историй.

Таким образом, от тюрьмы я, похоже, спаслась.

Осталось уберечься от суммы: расплатившись с таксистом, я вышла в аэропорту Никосии, именуемой тут Лефкошей, с пустым кошельком.

А в Никосии-Лефкоше никакого дождя не было.

Гладкое синее небо над аэропортом было как туго натянутый шелковый платок, и реактивные струи самолетов били в него, как в барабан. Воздух гудел, пальмы шелестели, солнце сияло безмятежной улыбкой, слепя бедную девушку, не располагающую темными очками. При других обстоятельствах я бы искренне наслаждалась прекрасным весенним днем.

Эх, деньги, деньги, дребеденьги!

Как же они портят жизнь!

– Жизнь портят не деньги, а их отсутствие, – поправил меня внутренний голос.

– Тоже верно, – согласилась я.

И, перевесив сумку на плече, вошла в здание аэровокзала, чтобы изучить табло с информацией о ближайших рейсах.

Супервумен Наталья, придумавшая бежать из Ларнаки в Никосию, не обманулась в своих ожиданиях: трижды в день отсюда можно было улететь в столицу Турции, откуда рукой подать до российского берега Черного моря. Я могла бы взять билет на транзитный рейс «Пегасуса» Лефкоша – Стамбул – Сочи и еще до полуночи оказаться дома!

Вот только за билет тетенька за стойкой офиса Pegasus Airlines запросила с меня целых сто девяносто восемь евро.

К сожалению, Рюрикович финансировал меня недостаточно щедро. От выданной им валюты у меня осталась одна десятка.

Я тщательно проинспектировала кошелек и сумку, заглянув во все отделения и прощупав каждую складочку.

Это обогатило меня еще на пятнадцать рублей шестьдесят копеек мелочью.

Я отыскала банкомат и проверила состояние своего счета, привязанного к пластиковой карте.

Робкая надежда на то, что редакции, публикующие мои опусы, оптом усовестились и дружно перевели мне все причитающиеся гонорары, тихо скончалась, не привлекая внимания мировой общественности.

Я посмотрела на табло с расписанием вылетов и закусила губу.

– Итак, у тебя есть два часа, чтобы раздобыть где-то сто восемьдесят восемь евро, – резюмировал внутренний голос.

– Сто девяносто восемь, – поправила я. – Имеющуюся десятку считать не будем. В сложившейся ситуации я считаю правильным использовать ее максимально эффективно.

– Как именно? – заинтересовалось альтер эго. – Минимальная ставка в казино, насколько я знаю, двадцать евро, и ближайшее игорное заведение находится на греческой стороне острова...

– К черту казино, эту десятку я сейчас проем! – решительно оборвала я поток ненужной информации.

– А и правильно, – неожиданно легко согласился внутренний голос. – На полный желудок ты гораздо лучше соображаешь.

– Смотря чем он полон, – машинально добавила я.

И замерла, поймав себя на ценной мысли.

События самого последнего времени показали, что моя соображалка поразительно быстро и качественно работает на спиртном. Сто граммов водки, влитых в меня коварным

Александром, царство ему небесное, оказались чрезвычайно эффективным топливом – в рекордные сроки я изобретательно спаслась от целой серии бед.

Так, может, мне сейчас не еду поискать, а выпивку?

Глядишь, опрокинув пару алкогольных дринок, я снова разбужу в себе притомившуюся супервумен, и она как-нибудь решит нашу общую финансовую проблему!

Получасом позже, резво обежав всю доступную мне территорию аэровокзала, я пришла к огорчительному выводу, что это место не относится к числу значных. Тут даже пива или кофе с коньяком в кафе не было.

– Добраться бы до дьюти фри! – мечтательно вздохнул мой внутренний голос.

Я уныло кивнула: да, в зоне беспощинной торговли напиться можно быстро, дешево и сердито, проверено опытом множества руссо туристо. Однако в дьюти фри я могла попасть только с посадочным талоном на рейс...

– Так, руссо туристо! – встрепенулся внутренний голос. – Их тут немало, я думаю, и большинство везет на родину купленные на острове сувениры...

– Точно!

Я поймала намек на лету.

Мы, русские люди, исторически приучены возить родным и друзьям вкусные гостинцы – как твердые, так и жидкие. Редкий мой соотечественник уедет из чужой страны, не прихватив с собой бутылочку-другую местного спиртного...

Я одернула на себе несвежую майку, коротко выдохнула и быстро, чтобы не успеть одуматься, промаршировала к стойке, у которой как раз началась регистрация на ближайший рейс в турецкую Анталию. Это любимый курорт моих сограждан, наверняка среди пассажиров будут и россияне.

– О, так и начни: «Сограждане! Дорогие россияне!» – посоветовал внутренний голос с интонациями президента страны, зачитывающего новогоднее обращение к народу. – Или нет, это недостаточно интимно, скажи лучше так: «Помогите, люди добрые! Алкогольно голодаю и скитаюсь!» Нет, это банально, давай по-шекспировски, а? Встань в позу и провозгласи: «Пить иль не пить? Вот в чем вопрос! Достойно ли терпеть позор судьбы иль нужно оказать сопротивление – хлебнуть, напиться, умереть, уснуть?»

– Заткнулся, живо! – цыкнула я.

Ни в сценаристе, ни в суфлере я не нуждалась.

Я встала перед очередью с чемоданами и требовательно воззвала:

– Ребята, тут русские есть?

Посмотрели на меня абсолютно все – и ребята, и девчата, и малые дети, даже дядька в пуштунском платье и тетка в сари, но адекватно отреагировал только один:

– А че?

Я просканировала шеренгу разноплеменных «ребят» острым взглядом и опознала землю по штиблетам, надетым на носки, и куртке-парке под мышкой.

– Выпить есть? – спросила я прямо, не церемонясь.

– А че?

Я поняла, что ответ положительный.

– Дожимай, – нашептал мне внутренний голос.

– Братан, мне мой муж изменил! – с надрывом выдала я душераздирающий экспромт. – Если не напьюсь сейчас же – убью гада! Налей сто грамм, спаси моего козла от лютой смерти, ты же сам мужик, все понимаешь!

– А то! Бренди будешь?

Сердобольный земляк открыл чемодан.

Я покивала.

Братан сунул руку в грудку скомканных маек. Очередь заворуженно наблюдала за поисками.

– На! – Мужик нашел искомое и умело, одним движением, свернул с резбы пластмассовую крышечку.

Так я впервые в жизни вульгарно присосалась к бутылке в общественном месте, можно сказать, на глазах у всего международного сообщества.

– Ого! – Земляк оценил, насколько понизился уровень коричневой жидкости.

Я вытерла мокрые губы запястьем, взволнованно икнула и под дружные аплодисменты присутствующих плавно отчалила, прощально молвив:

– Благодарствуйте...

– Эй! А тебя как зовут-то? – покричал вдогонку разморозившийся земляк.

– Вот, произвела впечатление на мужчину! – похвалил меня внутренний голос.

– Меня не зовут, – пробормотала я несколько зловеще – Я сама прихожу...

Супервумен в глубине моей души подняла голову и с нехорошим интересом чрезвычайно внимательно посмотрела на витрину пункта обмена валюты.

– Грабить никого не буду, это категорически исключено! – поспешно заявила я.

Супервумен потупилась.

Я было решила, что пристыдила эту криминальную личность, но не успела этому порадоваться, потому что ноги мои внезапно встали как вкопанные, а плечо само собой дернулось, и с него с обреченным восклицанием «Шмяк!» упала на пол сумка.

– Не так! – рявкнул мой внутренний голос, когда я потянулась к ручкам беглой торбы. – Снизу бери!

Поясница моя услужливо согнулась, руки нежно обняли блудную сумку и, подхватив ее снизу, подняли с пола.

Пальчики правой руки ловко затолкали под ремешок часов на левой пару бумажек.

Сумка взлетела на плечо, рука с часами нырнула глубоко в карман джинсов, ноги проворно понесли весь организм в угол зала, где приветливо светилась табличка «WC».

Краешком сознания, не оккупированным ушедшей супервумен, я отметила, что мой тернистый жизненный путь все чаще пролегает через уборную, но воздержалась делать выводы, пока не выясню, что, собственно, сейчас происходит.

Запершись в кабинке женского туалета, я вытянула из кармана левую руку, перевернула ее ладонью вверх и недоверчиво рассмотрела бледно-зеленую, как капуста, «бабочку» из двух бумажек под ремешком моих часов.

Это были две купюры по сто евро.

Надо же!

Точно такую же зелененькую купюру номиналом в сотню евро я держала в руках совсем недавно, испытывая при этом исключительно приятные чувства: радость, предвкушение праздника и совсем уж редкое – благодарность к царь-боссу, который послал меня в заграничную командировку.

– Уж послал так послал, – пробубнил внутренний голос.

От волнения он сделался каким-то бесцветным.

Двести евро, подобранные с пола, жгли мне руку. Наверное, на них налипло слишком много вредоносных бактерий и вирусов. Деньги – это же известный переносчик заразы, почти как крысы. Возможно, я уже подцепила какую-нибудь жуткую гадость: бубонную чуму, холеру, свиной грипп или герпес.

Возможно, именно с этой целью кто-то и бросил деньги на пол – чтобы при посредничестве зоркой и шустрой жадины экспортировать смертоносную заразу в другие страны. Если подумать, аэропорт – весьма подходящее место для старта пандемии!

– Брось, турецкий Кипр годами плетется в хвосте мирового рейтинга террористической опасности, – отмахнулся от моих опасений внутренний голос. – А кто боится привезти на родину заразные деньги, может просто оставить их здесь.

– В уборной?! – шокированно спросила я.

Ну нет. Что-что, а сотни евро я в качестве туалетной бумаги не представляла!

– С ума сошла? Не в уборной, разумеется, а в кассе авиакомпании! Тебе же нужны были деньги на билет, и вот они у тебя есть!

– Но это чужие деньги!

Я взидала на купюры со смешанным чувством восторга и ужаса.

Знаете, в статьях, которые публикуют серьезные экономические издания, добротные иностранные деньги часто называют «у.е.», что означает «условные единицы», но шутниками расшифровывается как «убитые еноты».

К чему это я?

А к тому, что, сдохни у меня на руках пара милых пушных зверьков, я была бы в таком же шоке!

– Мне, конечно, эти денежки очень нужны, – признала я. – Но вдруг тому, кто их потерял, они нужны еще больше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.